

войтовой, было построено и сообщение М. Э. Коган (ИЭ, Ленинград) «Особенности формирования и современный этнокультурный облик армянской этнодисперсной группы в Ленинграде». Е. А. Борисевич (ЛенНИИПградоостроительства) выступил на тему «Городская общность и ее проблематика в развитии Ленинграда». А. И. Климко (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев) обратил внимание присутствующих на необходимость этнографического изучения так называемых «маятниковых мигрантов», проиллюстрировав эту мысль материалами из некоторых городов Украинской ССР.

На последнем заседании с заключительным словом выступил К. В. Чистов (ИЭ, Ленинград). Высоко оценив результаты конференции, он призвал к дальнейшей работе по этнографическому изучению Петербурга — Ленинграда и высказал пожелание в дальнейшем собирать такие конференции регулярно.

Н. В. Юхнева

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 25 января по 7 февраля 1984 г. проходила очередная Полесская этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ под общим руководством Н. И. Толстого. Две группы в составе 29 человек работали в с. Кочище Ельского р-на и в с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл. (руководители групп А. А. Архипов и С. М. Толстая). В экспедиции участвовали сотрудники Института славяноведения и балканистики, студенты и преподаватели МГУ, а также филологи из Львова, Житомира, Минска, Ленинграда.

Села Кочище и Стодоличи обследовались по программе-вопроснику Полесского этнолингвистического атласа (ПЭЛА), работа по которому начата в 1980 г. Программа и большая подборка экспедиционных материалов были опубликованы в «Полесском этнолингвистическом сборнике» (М., 1983). Проблематика, связанная с подготовкой ПЭЛА, обсуждалась на конференции «Полесье и этногенез славян», состоявшейся в Москве в мае 1983 г.¹

Программа ПЭЛА охватывает основные аспекты духовной культуры Полесья. Она включает 21 раздел: Свадьба; Родины; Похороны; Святки; Весна; Купала; Сев и жатва; Скот; Строительство; Ткачество; Хлеб; Утварь и одежда; Демонология; Астрономия, метеорология, время; Дождь, гром, град; Растения; Звери; Птицы; Насекомые; Медицина; Фольклор. Основное внимание в вопроснике уделено обрядовой терминологии и фразеологии,

узловым моментам семейной и календарной обрядности, обрядам хозяйственного цикла, поверьям и представлениям, связанным с природой.

Из двух обследованных сел особый интерес представляют Стодоличи, где экспедиция уже работала в 1974 г. При первом посещении здесь был зафиксирован, в частности, уникальный ритуал вызывания дождя, составной частью которого является голошение по мифическому утопленнику Макарке: его просили вылезти из воды и разлить по земле свои слезы. Описания этого ритуала были опубликованы и неоднократно обсуждались в научной литературе². В 1984 г. собран дополнительный материал; в частности, обнаружены варианты ритуала, в которых наряду с Макашкой упоминались Миколка и Иванка.

Собранные экспедицией материалы дают представление о характере традиционной культуры двух полесских сел. Особенно интересны сведения по таким темам, как демонология, народная медицина, растения, утварь и одежда.

Параллельно с основной работой экспедиции в с. Стодоличи проводился семинар, на котором были прочтены и обсуждены доклады Н. П. Антропова (Минск) — «Обряд „куст“ в Полесье»; Т. А. Агапкиной (Москва) — «Обряд „греть покойников“»; С. М. Толстой (Москва) — «„Деды“ в Полесье»; Н. Г. Владимирской (Москва) — «Полесское ткачество в мифологическом аспекте»; Л. Н. Виноградовой (Москва) — «Структура обряда „проводов русалки“»; В. И. Харитоновой

¹ См.: Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.

² Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978; Balcapo-balto-slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.

(Львов) — «Восточно-славянские заговоры: общий обзор»; А. Я. Топоркова (Ленинград) — «О структуре ритуального символа (На материале домашней утвари)»; А. А. Плотноковой (Москва) — «Южно-славянский вариант святок»; И. А. Морозова (Москва) — «Архаические элементы в терминологии и структуре восточно-славянских игр».

Материалы экспедиции обработаны и переданы в Полесский архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков

* * *

В 1982—1983 гг. сотрудники Архитектурно-реставрационной мастерской № 1 Северо-Кавказского филиала Института «Спецпроектреставрация» исследовали историю застройки станицы Старочеркасской Аксайского района Ростовской области. Работа велась в связи с разработкой генерального плана развития станицы и выделением охранных зон Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Было обследовано более 200 домов. Выявлялись типичные элементы объемно-пространственной композиции зданий, традиционной планировочной структуры, архитектурного декора, цветового решения домов..

Основу сохранившейся застройки станицы (если не учитывать общественные и культовые здания) составляют памятники жилой архитектуры середины — второй половины XIX в., и только некоторые из них (так называемые дома Кондратия Булавина, атамана Иловайского, Жученкова и др.) можно отнести к концу XVIII и началу XIX в.

Дома строили на сваях, на подклете и двухэтажные (так называемые дома с *верхами* и *низами*). Подклет, или полужет, сложенный из ракушечника (*аршинника*), зачастую использовали как подсобное помещение. Первый этаж — *низ* — служил кухней, столовой, реже — жильем. Кирпичных зданий в станице сохранилось очень мало. Основная застройка — дома

с жилым этажом из деревянных пластин, обшитых затем тесом (*ошалеванных*). Типичное жилище — трех-, четырехкомнатный (круглый дом) и одно- двухкомнатный флигель (*хлигель*). С трех сторон дом обычно опоясывала галерея — *баласник* (*обход, крыльчик*), которую использовали для закрывания ставен. К одной из стен здания примыкает *галдарея* — глухой, зашитый досками коридор. Одна из ее дверей выходила на «парадный крылец», украшенный резьбой и резными или точеными перилами. Резные элементы выполнялись плотниками из средней полосы России и Украины. Углы домов украшались стилизованными изображениями солярных знаков и стрел. Как удалось выяснить, казаки окрашивали стены домов в синий цвет (синька с белилами), стальной (сажа, синька, белила), желтый, охристый (желтая глина). Многие старожилы и сейчас для обмазки стен используют глину, которую разводят крутым отваром из пшена. При этом смешивают несколько сортов глины: желтую, терракотовую, оранжевую и т. д. В прошлом, окраска стен при помощи глины была широко распространена. Реже применяли *глинку* с «мумиём» для получения темно-коричневой окраски. Состав вещества, именуемого в народе «мумиё», выяснить не удалось*. Крыши домов, в зависимости от достатка хозяев, покрывались железом, тесом или камышом. Железная крыша окрашивалась в красный или зеленый цвет. Причем среди богатых казаков зеленый цвет (*медянка*) считался более престижным. Ставни в зависимости от цвета стен белились известью или покрывались медянкой.

Во время работы были собраны сведения по социальной топографии станицы, которые помогут при дальнейшей музеефикации ее.

Собранный материал сдан в архив Северо-Кавказского филиала Института «Спецпроектреставрация».

Данными исследованиями изучение станицы не закончено. Предполагается дальнейший сбор информации.

В. А. Черницына

* «Мумия» — жженная охра. Ее под названием *глинка* продавали готовой на базарах. См. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI), М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 392.